

— Он, они снова играют в свадьбу...

— А?

— Может, и мы можем поиграть... Если поженимся, то сможем целоваться... смогу поцеловать тебя. — Цзян Юй повернулся, чтобы посмотреть на Цинь Яна.

Прохладное дыхание парня коснулось лица Цинь Яна, вызвав странное щекотание в сердце. Он посмотрел на Цзян Юя, чье лицо было скрыто в тени лунного света, но он знал, что в его глазах сейчас читалось ожидание. Подняв руку, Цинь Ян погладил его по голове и тихо спросил:

— Ты знаешь, что такое свадьба, раз так хочешь целоваться?

— Знаю... Свадьба — это когда можно быть вместе всегда, — Цзян Юй тихо проговорил. — Я хочу быть с Цинь Яном всегда.

Цинь Ян молча улыбнулся, слушая простодушное объяснение Цзян Юя и его слова о том, что он хочет быть с ним. Это не вызвало у него отвращения. Он положил руку на голову парня, притянул его к себе на плечо и, глядя на ночное небо, спокойно сказал:

— Ты еще маленький. Когда вырастешь и поймешь, что такое свадьба, тогда и поговорим.

Цзян Юй задумался, а затем серьезно спросил:

— Тогда... можно сначала поцеловаться?.. Когда я вырасту, я на тебе женюсь.

— ...

— Можно? — тихо спросил Цзян Юй.

Цинь Ян не ответил. Постоянные просьбы о поцелуях от Цзян Юя не раздражали его, а, наоборот, вызвали желание соглашаться на все его просьбы. С легкой улыбкой он погладил голову маленького дурачка, мягко наклонил ее к себе и естественно поцеловал его в лоб через волосы.

Цзян Юй поднял руку и потрогал лоб, удивленно сказав:

— Эй, Цинь Ян, ты вроде поцеловал меня.

— Вроде поцеловал, — спокойно ответил Цинь Ян.

— Я тоже хочу поцеловать тебя... — Цзян Юй, подражая, наклонился и поцеловал Цинь Яна в лоб. Маленький дурачок не умел целоваться, не знал, как сложить губы, и неуклюже прижал свои мягкие сухие губы ко лбу Цинь Яна, в итоге случайно укусив себя за губу зубами.

Цзян Юй прикрыл рот и невнятно пробормотал:

— Ух... Теперь я понимаю, почему та девушка плакала... Это действительно больно...

Цинь Ян тоже почувствовал боль во лбу от неловкого поцелуя и научил его:

— Когда целуешься, не дави так сильно, и не будет больно.

— Тогда я попробую еще раз, — осторожно сказал Цзян Юй и снова поцеловал Цинь Яна в лицо, после чего поднял голову и засмеялся. — Цинь Ян, ты такой умный... Теперь действительно не больно.

Лицо Цинь Яна слегка покраснело. Он молча погладил голову Цзян Юя и лег на траву, глядя на яркую луну.

То, что он сам поцеловал Цзян Юя, означало, что он принял его.

Цинь Ян вздохнул, удивляясь тому, как естественно он принял поведение Цзян Юя. Однако он не был человеком, который долго колеблется. Если он что-то решил, то не сомневался. Он не собирался исправлять их неправильное поведение, но и не стал бы делать что-то большее, пока Цзян Юй не осознает свои чувства полностью. Если однажды Цзян Юй поймет, что это поведение неправильно, и захочет измениться, он поддержит его. Если же Цзян Юй четко осознает свои чувства и захочет продолжить эти отношения, он тоже примет это.

Такое отношение не означало, что его чувства к Цзян Юю были неважны. Это была ответственность и уважение, которые нормальный человек должен проявлять к человеку с ограниченными умственными способностями.

Думая об этом, Цинь Ян почувствовал легкую грусть. Он посмотрел на Цзян Юя, который уже начал засыпать, лежа на нем, и мягко погладил его по спине.

На траве постепенно появилась роса, и компания, которая веселилась, стала расходиться. Цинь Фэн, которая прекрасно провела время, подбежала к ним, чтобы позвать домой:

— Эй, маленький дурачок уснул.

Цинь Ян кивнул и, чтобы не разбудить Цзян Юя, медленно поднялся, взял его на руки и пошел домой вместе с Цинь Фэн.

Вернувшись домой, Цинь Ян набрал воды, чтобы вымыть лицо и руки Цзян Юя, а затем помыл ему ноги, чтобы тому было удобнее спать. Уложив его, Цинь Ян быстро умылся сам, вышел во двор проверить, закрыты ли двери загона и на месте ли Сяо Хэй. Убедившись, что все в порядке, он вернулся в дом, потушил свет и лег спать.

Луна, висящая в ночном небе, озаряла землю своим холодным светом. Яркий лунный свет медленно двигался на восток, сквозь тонкие облака. В деревне было тихо, звуки насекомых постепенно стихали, и вся земля погрузилась в глубокую тишину. Безветренная ночь, черные леса казались застывшими.

Глубокой ночью, когда все спали, изредка можно было услышать, как дикие животные быстро пробежали по траве. В это же время на склоне холма две фигуры, согнувшись, осторожно двигались по тропинке к Байфэнь.

— Эй, Чжан Эрцюань, твоя жена уверена, что все получится? — спросил Бао Цзэ, идя сзади.

— Конечно, я положил целую горсть крысиного яда! Что может пойти не так? — Чжан Эрцюань обернулся и тихо ответил, но затем засомневался. — Только вот как мы бросим эти булочки собаке? Если подойдем слишком близко к дому Цинь Яна, собака залает!

Бао Цзэ небрежно ответил:

— Ты что, дурак? Просто брось их во двор. Собака услышит звук и подойдет съесть.

— Тогда ты сам бросай, у меня плохо с точностью.

— Нет, ты бросай, а я буду следить, — твердо сказал Бао Цзэ.

— Вечно я все делаю, — недовольно пробормотал Чжан Эрцюань и продолжил идти вперед.

В доме Цзянов Цзян Юй почувствовал, как его живот начал бурлить. На лбу выступил пот, и он проснулся от боли.

Он неловко прижался к Цинь Яну, пытаясь снова заснуть, но в следующую секунду боль в животе усилилась, и он захотел в туалет.

Цзян Юй, сжав живот, крепко схватил руку Цинь Яна, хотел позвать его пойти с ним в уборную, но постеснялся заставлять Цинь Яна ждать, пока он справится. Поэтому он осторожно слез с кровати, не одеваясь, только в трусах, взял два аккуратно вырезанных куска грубой туалетной бумаги со столика у кровати и, сгорбившись, боязливо пошел в темноту.

Раньше туалетная бумага продавалась на вес, стопками, больше, чем лист А4, по качеству напоминала бумагу для сжигания, но была немного мягче и тоньше. На ощупь она была слегка пыльной. Люди с небольшим достатком покупали ее, но в деревне лишь несколько семей могли позволить себе использовать бумагу в туалете. Большинство людей все еще пользовались листьями, старыми книгами, газетами и кукурузными початками.

Цзян Юй, держа бумагу, открыл дверь и вышел из дома. Сяо Хэй, услышав звук, сразу же выбежал из будки и начал радостно кружить вокруг Цзян Юя.

— Сяо Хэй, у меня болит живот... Ты пойдешь со мной в туалет? — Цзян Юй, согнувшись, погладил собаку по голове и заговорил с ней.

Вдруг его живот громко урчанул, и он, застонав, побежал к уборной на западной стороне дома, прижимая ноги. Сяо Хэй быстро последовал за ним в туалет.

Цзян Юй боялся закрывать дверь, поэтому оставил ее приоткрытой и, сидя на деревянной конструкции туалета, обнял Сяо Хэя за шею и начал справлять нужду.

Сяо Хэй был умной собакой и сидел спокойно, пока его обнимали. Но через несколько секунд он вдруг насторожил уши, встал и начал низко рычать.

— Эй, Сяо Хэй, что с тобой? — Цзян Юй, растерянно обнимая собаку, испуганно выглянул в щель двери.

Снаружи раздался звук ветра, шелестящего в деревьях, и Цзян Юй, испугавшись, крепче обнял Сяо Хэя:

— Это... это призрак? Не лай, не привлекай его...

Сяо Хэй, словно поняв слова Цзян Юя, сразу же сел, насторожив острые уши и уставившись на дверь.

Внезапно во дворе раздался глухой звук. Цзян Юй вздрогнул и уткнулся лицом в шерсть Сяо Хэя, чувствуя, как холодок пробежал по спине.

За пределами двора.

Чжан Эрцюань и Бао Цзэ прижались к стене за углом, прислушиваясь к звукам из двора.

— Ничего не слышно, может, собаки нет дома, — тихо сказал Чжан Эрцюань.

— Подожди, — Бао Цзэ тихо пролаял, и Сяо Хэй в туалете снова встал, начав рычать.

— Ух... Сяо Хэй, не привлекай призрака... — Цзян Юй, дрожа от страха, достал бумагу и вытерся.

Сяо Хэй снова спокойно сел.

Не услышав больше звуков, двое наконец успокоились:

— Собаки, кажется, нет, давайте зайдём.

— Пошли.

Они, крадучись, согнувшись, вошли во двор и при свете луны начали осматривать растения, растущие в саду.

В двух углах двора росли деревянные наросты и трава, которые Цинь Ян посадил, чтобы обмануть воров.

<http://bllate.org/book/17698/1652215>